Твин-Пикс: Тайный дневник Лоры Палмер

Автор:
Дженнифер Линч

Твин-Пикс: Тайный дневник Лоры Палмер

Дженнифер Линч

Азбука-бестселлерТвин Пикс #1

Двадцать пять лет назад Дэвид Линч и Марк Фрост свели весь мир с ума культовым сериалом «Твин-Пикс», раз и навсегда изменившим отношение публики к сериальной культуре. Вместе с агентом ФБР Дейлом Купером зрители пытались разгадать загадку: «Кто убил Лору Палмер?» – и четко усвоили: «Совы – не то, чем они кажутся».

В финале оборванного на полуслове второго сезона Лора Палмер пообещала Куперу, что они встретятся через двадцать пять лет. И вот четверть века спустя легендарный проект возобновляется: тот же Марк Фрост написал сценарий третьего сезона «Твин-Пикс», тот же Дэвид Линч взялся за съемки. Сериал, в котором мы увидим как актеров первых двух сезонов (Кайл Маклахлен, Шерил Ли, Дэвид Патрик Келли, Шерилин Фенн, Дэвид Духовны), так и новые лица (Моника Беллуччи, Тим Рот, Наоми Уоттс, Джим Белуши, Аманда Сейфрид, Эшли Джадд), выйдет на телеэкраны в мае 2017 года. А чтобы раздразнить аппетит зрителей, осенью 2016 года Марк Фрост выпустил книгу «Тайная история Твин-Пикс», написанную в уникальном жанре «датафикшн»…

Тем же, кому «Тайной истории» оказалось мало, мы предлагаем вернуться в «классический» Твин-Пикс и ознакомиться с дневником Лоры Палмер, найденным агентом Купером. Зрителям его содержание стало известно лишь отрывочно, и любопытство их удовлетворила Дженнифер Линч – известный режиссер и сценарист, дочь Дэвида Линча. Именно в этой книге отношения Лоры Палмер с таинственной инфернальной сущностью, известной как Боб, показаны во всей полноте и в развитии…

Перевод публикуется в новой редакции. Также книга содержит новые предисловия, написанные Линчем и Фростом через двадцать с лишним лет после выхода легендарного сериала.

Дженнифер Линч

Твин-Пикс: Тайный дневник Лоры Палмер

Jennifer Lynch

THE SECRET DIARY OF LAURA PALMER

Copyright © Twin Peaks Productions, Inc. 1990

Foreword © Mark Frost, 2011

Foreword/ Letter © David Lynch, 2011

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Ed Victor Ltd. and The Van Lear Agency LLC

© Ю. Кацнельсон, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие к новому изданию «Тайного дневника Лоры Палмер»

«Твин-Пикс» сейчас представляется давней мечтой, которую двадцать лет назад в молниеносном, безудержном творческом порыве воплотили в жизнь два приятеля с помощью более двухсот талантливых актеров и мастеров кинематографического искусства. Свободные от давления студий, в полной изоляции от всех, мы за полтора года отсняли девять часов сериала, прежде чем он вышел на экраны. Это было любительским начинанием в полном и лучшем смысле слова – нами двигал не хладнокровный профессионализм, свойственный деятелям кино, но истинная страсть творцов.

Посредством обычной телетрансляции сериал проник в американскую поп-культуру, и внезапно мы оказались в эпицентре настоящего урагана. Сериал навсегда изменил нашу жизнь и, в отличие от привычных развлекательных программ, до сих пор вызывает глобальный резонанс у зрителей. Мы создали долговечное шоу, построили его из прочных стальных конструкций, и оно до сих пор стоит. От мастерства зависит многое.

Все началось, как и полагается, за чашкой кофе, в середине 1980-х. Не обошлось и без пирога. Мы с Дэвидом подружились с первой же встречи, когда выяснилось, что нас объединяет любовь к классическим фильмам и чувство юмора, – в общем, мы совпали. Меня всегда восхищало его творчество: жуткий кошмар «Головы-ластика», эмоциональный триумф «Человека-слона», сюрреалистические подсознательные течения «Синего бархата» – уникальные, незабываемые, смелые. Как и сам их создатель.

Вместе мы написали несколько сценариев, а потом к нам обратились с предложением создать телевизионный сериал, и мы согласились – с условием, что никто не станет объяснять, чего от нас ожидают (ведь если об этом не попросить, то сами они этого не скажут). В своей работе мы руководствовались тремя принципами: полагайся на свое чутье, борись за то, во что веришь, и не поддавайся чужим страхам.

Нам дали зеленый свет. Мы собрали прекрасных соратников и единомышленников, новых друзей и старых товарищей. Актерский ансамбль подобрался так быстро, словно все участники дожидались в соседней комнате. Все места натурных съемок обнаружились в двадцати милях от Сиэтла, в точности такие, какими мы их описывали. А когда пришло время самих съемок, то Дэвид своим волшебным искусством вызвал к жизни именно тот мир, который мы выдумали. Дэвид и Анджело Бадаламенти создали такое восхитительное музыкальное сопровождение, что даже сегодня мелодии нашего воображаемого мира узнают по одной-единственной ноте.

Немного погодя, после того как реальный мир увидел наше творение – премьеру смотрели тридцать пять миллионов телезрителей, – все как будто обезумели. Шумиха в средствах массовой информации, вечеринки для просмотра сериала, поклонники и фанаты, ежегодные конвенции, обсуждения в ранней версии интернета, докторские диссертации и бесчисленные вишневые пироги, оставленные на пороге. Странное было время. Сейчас мы понимаем, как все работает: поп-культура пожирает сама себя, с хвоста. Нынче она и вовсе превратилась в ненасытного монстра, так что по сегодняшним меркам тогдашние излишества выглядят незначительными. И все же оказаться в пасти этого чудища – большое потрясение, которое существенно меняет взгляд человека на жизнь, заставляет его забыть о настоящем деле. Добро пожаловать в реальный мир.

Вот и эта книга порождена нашими мечтами. Ее написала младшая дочь Дэвида, Дженнифер, такая же бесстрашная, как и ее отец. В свое время эта книга преподнесла сюрприз, став всемирным бестселлером, чего никогда прежде не бывало и не должно было случиться с произведениями, созданными в категории «спин-офф», производными телесериала. История Лоры до сих пор зачаровывает читателей. Для всех поклонников и зрителей сериала она стала еще одной яркой гранью во дворце зеркал.

Дэвид всегда считал, что мы допустили ошибку, когда, согласившись на уговоры телестудии, слишком рано раскрыли тайну Лоры. Теперь и я разделяю его мнение. Мы поддались чужим страхам и разрушили волшебство. Если бы мы настояли на своем, наша мечта продержалась бы дольше, хотя когда-нибудь и подошла бы к концу, ведь все на свете завершается.

Счастливая концовка «Твин-Пикс» все еще существует, напряженно дожидается своего часа. Живет – среди призрачной жути, среди восторгов и опасливой

дрожи, как свет свечи, мерцающий в окошке деревянной хижины, замеченный одиноким путником в темном лесу.

Некоторые мечты не умирают.

Марк Фрост

К читателям

Дорогие поклонники «Твин-Пикс»…

В мир, вымышленный нами с Марком Фростом в лос-анджелесской кофейне, незаметно проникла великая тайна лесов, принесенная ночным ветром, и наша выдумка превратилась в Твин-Пикс. Мы с Марком, улыбаясь, следили за тем, как разворачивались дальнейшие события. Нам оставалось лишь отдаться на волю ветра и с радостью принять все случившееся, как восхитительную мечту.

Лора Палмер и ее дневник – порождения этой мечты. Дженнифер Линч нашла «Тайный дневник Лоры Палмер» в душе самой Лоры. Спасибо, Дженнифер Линч. Спасибо всем тем, кто причастен к «Твин-Пикс». И огромное спасибо Марку Фросту.

Запаситесь кофе и пирогом и наслаждайтесь чтением этой тайной истории о девушке, которая жила рядом с темным лесом… в городе Твин-Пикс.

Дэвид Линч

22 июля 1984

Дорогой Дневник!

Меня зовут Лора Палмер, и если быть точной, то всего три минуты назад мне исполнилось двенадцать лет! Сегодня 22 июля 1984 года, и день был таким замечательным! Ты последний подарок, который я развернула, и я еле дождалась, пока смогу подняться к себе и начать рассказывать тебе все обо мне и моей семье. Тебе я буду доверять больше всех. Обещаю рассказывать все, что произойдет, все, что я чувствую, все, о чем мечтаю. И все свои мысли до единой. Есть вещи, которыми я не могу поделиться ни с кем. Обещаю делиться ими с тобой.

Итак, спустившись этим утром к завтраку, я увидела, что мама развесила по всему дому гирлянды и даже мой серьезный папа надел праздничный картонный цилиндр и вовсю дудит на казу в мою честь. Мы с Донной так и покатывались со смеху!

Да, Донна – это моя самая лучшая подруга на свете. Ее фамилия Хэйворд, и ее отец, доктор Хэйворд, помог мне родиться ровно двенадцать лет назад! Не могу поверить, что это в конце концов произошло. За столом мама прослезилась. Она говорит: не успеешь оглянуться, как я стану совершенно взрослой женщиной. Ну да, конечно. Хотя у меня нет месячных, и, может, пройдут годы, пока они появятся. Так мне кажется. Да она с ума сошла, если думает, что я вот-вот стану взрослой, а сама продолжает дарить мне на день рождения плюшевых зверей!

Сегодня все было так, как я хотела: только Донна, мама и папа – и больше никого. И конечно, Юпитер, мой кот. На завтрак мама сделала мои любимые оладьи с яблоками, поставила большую банку с кленовым сиропом и целую кучу тостов.

Донна подарила мне блузку, которую я видела в витрине универмага Хорна. Я знаю, она купила ее на свои деньги, долго копила их, но не говорила мне для чего. Это самая потрясающая блузка из всех, какие только можно представить! Она белая, шелковая и вся усыпана маленькими вышитыми розами, но их не так много, чтобы все испортить. Лучше не бывает. На день рождения Донны я обязательно подарю ей тоже что-нибудь особенное.

Моя кузина Мэдлин, мы зовем ее просто Мэдди, завтра приезжает к нам погостить и останется на целую неделю. Мы втроем – она, Донна и я – хотим

построить в нашем лесу форт и жить там, если только разрешит мама. Насчет папы я не сомневаюсь. Он, как и я, обожает лес. Как-то ночью мне приснился сон, что папа увез нас в дом в самой гуще леса и прямо напротив окна моей спальни росло большое дерево, где свили гнездо две певчие птицы.

А сейчас, Дневник, я должна на минутку прерваться. Снизу меня зовет папа. Говорит, что у него для меня сюрприз! Все тебе расскажу, как только вернусь!

С любовью, Лора

22 июля 1984 (позже)

Дорогой Дневник!

Ты даже представить себе не можешь, что произошло! Я спустилась вниз, и папа сказал, чтобы мама и я садились побыстрей в машину и не задавали вопросов, пока будем ехать. Мама, конечно, всю дорогу приставала к нему с расспросами. Я особенно не возникала, думая: вдруг папа проговорится. Но он не говорил. И я помалкивала, чтобы не испортить себе предстоящий сюрприз. Когда машина остановилась у конюшни «Броукен-серкл», я поняла! Папа купил мне пони! Он такой красивый, даже в мечтах нельзя себе представить. Светло-коричневый с переливами темно-коричневого, а глаза большие и нежные. Мама просто поверить не могла, увидев его, и тут же начала спрашивать папу, как это ему удалось сохранить все в тайне. Папа ответил, что если бы она заранее узнала о покупке, то весь сюрприз пропал бы. По-моему, он прав.

У мамы чуть разрыв сердца не случился, когда она увидела, что я полезла под брюхо пони и заглядываю между ног, чтобы определить, мальчик это или девочка. Мне и секунды не понадобилось, чтобы понять: это мальчик. Что я, раньше такого никогда не видела! А мама-то думает, что она все знает про свою доченьку, ха-ха!

Но вернемся к моему пони. Я решила назвать его Трой, как в фотоальбоме миссис Ларкин. Конюх Зиппи обещал сделать табличку, где большими буквами

будет написано имя ТРОЙ, и повесит ее у стойла, чтобы все знали, как пони зовут. Трой еще слишком маленький, чтобы ездить на нем верхом, но через два месяца я смогу его оседлать и скакать по полям! Сегодня я уже водила его и кормила морковкой (у папы в багажнике был целый пакет морковки) и кусочком сахара, который дал мне Зиппи. Трой с удовольствием все это съел. Прежде чем расстаться, я прошептала в его теплое мягкое ухо, что завтра мы увидимся, а пока я все напишу о нем в дневнике. Не могу дождаться, когда его увидит Донна! Чуть не забыла: Мэдди ведь тоже его увидит!

На обратном пути папа сказал, что у меня с Троем один день рождения, потому что когда пони дарят кому-нибудь, кто будет его по-настоящему любить, то у них отныне все общее. Так что с днем рождения и тебя, Трой!

Я от души рада, что ничего не знаю о том, откуда он взялся, потому что теперь я могу думать о нем как о посланце небес.

Итак, Дневник, завтра предстоит большой день, а сегодня ночью я буду хорошо спать и видеть во сне Троя и все то время, которое мы будем проводить вдвоем. Счастливее меня нет никого в целом мире!

С любовью, Лора

P. S. Надеюсь, БОБ сегодня не появится.

23 июля 1984

Дорогой Дневник!

Уже поздняя ночь, а мне все не спится. Перед этим мне снились какие-то кошмары, так что я решила, что больше не сомкну глаз. Ничего, сегодня приезжает Мэдди, и после утомительного путешествия ей наверняка захочется отдохнуть. Тогда я тоже смогу поспать. И если днем небо будет светлым, то и мои сны станут не такими мрачными.

Один из кошмаров был особенно страшным, и я проснулась вся в слезах, тут же испугалась, что мой плач может услышать мама. Она, конечно, явится сюда, чтобы меня утешать, а мне как раз хочется побыть одной. Но она этого не понимает. Она всегда приходит ко мне, когда я не сплю, и поет «Матильдин вальс»[1 - «Матильдин вальс», «Вальсируя с матильдой» («Waltzing Matilda») – песня, написанная в 1895 г. Кристиной Макферсон на стихи Банджо Патерсона и ставшая неофициальным гимном Австралии. «Матильда» здесь не женское имя, а заплечный мешок бродяги; «вальсировать с матильдой» – бродяжничать с узелком, бьющим по спине при каждом шаге.]. И сейчас бы она тоже его спела. Не то чтобы я не хотела услышать, как она будет петь, но все дело в том, что в моем сне этот же вальс маминым голосом пел один человек – и я так перепугалась, что от страха не могла пошевелиться.

Мне снилось, как я иду в лесу мимо Жемчужного озера, а ветер такой сильный, что прямо с ног сбивает, но почему-то только возле меня. Жара. Ветер. И в двадцати футах от меня этот человек с длинными волосами и огромными мозолистыми ручищами. Такими ужасными и грубыми. Он пел и все время протягивал их ко мне. Борода его не колыхалась от ветра, потому что ветер дул только на меня. Кончики его больших пальцев были черны как уголь. Он не переставая описывал ими круги в воздухе, а руки подбирались ко мне все ближе и ближе. Несмотря на весь свой страх, я продолжала медленно двигаться ему навстречу. Это происходило как бы помимо воли.

– У меня твой кот, – произнес он, и при этих словах у него за спиной промелькнул Юпитер и тут же исчез в лесной чаще, как белое пятнышко на листе черной бумаги.

А человек все продолжал петь, и, хотя я пыталась сказать ему, что мне хочется поскорее пойти домой вместе с Юпитером, я не могла произнести ни звука. Тут он вдруг поднял руки высоко-высоко, и мне показалось, что он растет прямо на глазах, превращаясь в настоящего великана. И по мере того как его руки тянулись вверх, я чувствовала, что ветер вокруг меня стихает и наступает тишина. Мне показалось, что он меня отпускает, потому что прочел мои мысли. Во всяком случае, так я решила. Так что, когда он остановил ветер своими руками, я подумала: он меня освободил и я могу теперь отправляться домой.

Потом мне пришлось поглядеть вниз: между моих ног полыхала какая-то ужасная жара. Именно жара, а не просто тепло. Меня прямо жгло, так что пришлось раздвинуть ноги, чтобы хоть немного остыть. И чтобы наконец

перестало так жечь. В этот момент мои ноги сами собой начали раздвигаться, как будто хотели оторваться от тела. Я испугалась, что сейчас умру, а никто и не узнает, что я не хотела их раздвигать, но они так горели, что у меня ничего не вышло. Тогда этот человек взглянул на меня, и улыбнулся своей жуткой улыбкой, и пропел маминым голосом: «Эй, Матильда, в ритме вальса прогуляемся со мной…»[2 - Перевод К. Садчикова.] Я снова попыталась ему ответить, но опять не смогла. Попыталась шевельнуться, но тоже не смогла. Тогда он произнес: «Лора, ты уже дома». И я проснулась.

Иногда во время сна я чувствую, что пропала – мне так страшно. Но сейчас, перечитывая свое описание, я вовсе не нахожу его таким уж страшным. Может, теперь я буду записывать свои сны и перестану их бояться.

Как-то ночью в прошлом году мне приснился такой ужасный сон, что весь день в школе я ничего не соображала. Донна подумала, что я схожу с ума: каждый раз, когда она шепотом звала меня или дотрагивалась до плеча, чтобы передать записочку, я подскакивала. Конечно, я не сумасшедшая, как Надин Харли, но мне казалось, что я еще продолжаю видеть свой сон. Отчетливо он мне не запомнился. Все, что осталось в памяти, так это нависшая надо мной беда – из-за того, что я не выдержала одно предназначенное мне странное испытание: надо было помочь нескольким людям переправиться через реку на лодке, а я не могла сделать этого, потому что мне хотелось только плавать или еще что-то в этом роде; и тогда послали за мной кого-то, чтобы тот схватил меня и трогал везде, где не положено. Больше я ничего не помню – и слава богу.

Я так устала ждать, когда же я наконец вырасту. Настанет день, и я буду взрослой. И сама начну оценивать свои поступки – хорошие они или плохие.

Поговорим с тобой завтра. Сейчас я слишком устала.

Лора

23 июля 1984

Дорогой Дневник!

Кузина Мэдди должна приехать с минуты на минуту. Папа отправился на станцию встречать ее один, потому что мама не разрешила ему будить меня. Я проснулась всего пятнадцать минут назад. Никаких снов, но мама говорит, что слышала, как я звала ее, а потом кричала по-совиному! Я чувствую себя так глупо. По ее словам, она зашла в комнату, когда я еще не совсем проснулась, но тут… уханье повторилось, а потом, как она говорит, я захихикала, перекатилась на другой бок и опять заснула. Надеюсь, она никому об этом не расскажет. Вообще-то, она любит рассказывать о таких вещах за ужином с Хэйвордами или другими гостями. Всегда начинается со слов: «С Лорой приключилась одна забавная, чрезвычайно странная история…» И я знаю: сейчас все выложит.

Однажды она при всех рассказала за ужином, как я в лунатическом сне забрела на кухню, как раз когда она сама собиралась идти спать. Я спокойно сняла пижаму, засунула ее в духовку и голая пошла обратно в свою комнату. И теперь каждый раз, когда я подхожу к плите в доме Хэйвордов, если мы с Донной помогаем готовить ужин, миссис Хэйворд в шутку напоминает мне, что плита – это плита, а не стиральная машина.

В тот злополучный вечер мама выпила больше, чем надо, так что я ее простила. Но если расскажет кому-нибудь про совиные крики, я просто умру. Не уверена, что вообще бывает так, что родители своими рассказами не заставляли бы своих детей постоянно сгорать со стыда. И мои не исключение.

Но может, если бы я перестала делать всякие глупости во сне, то ей бы и рассказывать тогда было не о чем.

Остальное потом.

Лора

27 июля 1984

Дорогой Дневник!

У меня так много новостей для тебя. Я пишу это, сидя внутри крепости, которую мы построили втроем – Донна, Мэдди и я. Мама и папа разрешили нам играть здесь при условии, что мы не будем далеко убегать. Крепость мы построили из досок, которые дал нам Эд Харли, а папа нам помог их сколотить. Донна, правда, говорит, что если начнется настоящая гроза, то нам крышка, но я лично считаю: что бы ни случилось, наше жилище устоит.

Мэдди сейчас такая красотка. Ей шестнадцать, и я так завидую ее жизни… Как бы я хотела, чтобы и мне было шестнадцать! У нее есть свой мальчик, и она по нему скучает. Он звонил ей сюда, чтобы узнать, хорошо ли она доехала. Папа стал над ней подшучивать. Говорит, по телефону она была прямо милашка, но Мэдди на него не обижается. Донна думает, что, когда у нее появится свой парень, ей будет не меньше сорока и она уже начнет глохнуть. Я сказала ей, что она просто ненормальная. Мальчишки уже сейчас так и вьются вокруг нас, и это мы сами не обращаем на них внимания. Интересно, как это будет выглядеть, когда меня полюбит еще кто-нибудь, кроме моих собственных родителей. Станет ли он звонить, если я уеду в путешествие, чтобы узнать, все ли у меня в порядке.

До того как мы перебрались в свою крепость, Донна, Мэдди и я побывали в конюшне, чтобы посмотреть Троя. Девочки сказали, что ничего подобного в своей жизни не видели, такой он красивый. Мы вместе его там покормили. И чем только я заслужила такое счастье – получить Троя! Донна годами мечтает о пони, а отец ей так его и не купил. Сколько, интересно, лет проживет Трой? Наверно, я буду плакать после его смерти всю жизнь.

Донна только что увидела, что я тут написала насчет гибели Троя. Она говорит, что я слишком зациклилась на грустных вещах – неизвестно, что произойдет, если все это будет продолжаться. Но Донна не знает и половины того, что знаю я. Поэтому мне просто невозможно иногда не думать о грустном. Потому что в такие минуты оно мне дороже всего.

Мама дала нам с собой бутерброды и два термоса. Один с холодным молоком, другой – с горячим шоколадом. Мэдди больше одной чашки горячего шоколада не пьет. У нее, видите ли, от шоколада высыпают прыщи. Откуда она это взяла? Сколько ни смотрю, ни одного прыщика у нее на лице не вижу. Месячные начались у Мэдди три года назад, и послушать ее, так это прямо кошмар какой-

то: и сыпь, и спазмы, и усталость, и злость… Словом, прелестно. Еще одна радость, которая меня ожидает! Кстати, у мамы месячные начались как раз в моем возрасте, хотя я все же надеюсь, это вовсе не обязательно, чтобы и у меня они начинались тогда же, то есть в этом году. После того как Мэдди мне их описала, я совсем не горю желанием заиметь нечто подобное.

В нашей крепости мы все едим мамины бутерброды, пьем молоко и строчим в дневниках. У Мэдди он такой большой и толстый. У Донны не такой, но все равно толще моего. Ничего, обещаю, что ты у меня будешь даже больше, чем у Мэдди. Мне нравится, что все мои мысли отныне будут собраны в одном месте, как будто в голове, чтобы туда всегда можно было при желании заглянуть. К потолку нашего жилища мы подвесили фонарь, чтобы у нас было светло и мы могли все видеть. Правда, немного света проникало и через окна, но мы их завесили, чтобы, как было решено, не разрушать впечатления от нашего лесного затворничества. Одеяло и провиант, которые мы с собой прихватили, заставляют нас чувствовать себя настоящими лесными жителями. Хотя находимся мы совсем рядом с домом, на задворках! Мэдди говорит, что у нее с собой пачка сигарет и, когда мама с папой уснут, мы сможем, если захочется, выкурить по одной. Правда, сигареты, по ее словам, уже старые, потому что они давно лежат: все это время она до них ни разу не дотронулась, так как боялась, что родители могут ее застукать. Может, я рискну и попробую. Донна говорит, что она не хочет курить, и мы с Мэдди не собираемся ее к этому принуждать, потому что между друзьями так себя вести не положено. Но ручаюсь, что смогу заставить Донну изменить свое решение, стоит мне только на нее посмотреть как следует. Вот увидишь.

Остальное потом.

Ну вот я и вернулась к тебе.

Мы так хохотали, что у нас до сих пор животы болят. Мэдди рассказывала нам, как они целовались со своим мальчиком языками, и мы с Донной прямо с ума посходили. Донна скривилась и заявила, что ей противно об этом думать, и я притворилась, что мне тоже… но если по-честному, Дневник, то, когда я услыхала, как это делается, у меня в животе появилось странное, совершенно особенное ощущение. Совсем не похожее на… впрочем, не важно. Словом, мне показалось, что целоваться языками может быть очень приятным делом и я смогу заняться им, как только у меня появится любимый мальчик. Мэдди

сказала, что сперва она ужасно боялась. Но теперь она целуется таким способом уже несколько лет – и ей нравится. Я рассказала им, как в прошлом месяце вошла в спальню к родителям – они не ждали моего появления, потому что у меня тогда была высокая температура и я не вставала с кровати, – и увидела их обоих голыми. Папа был сверху. Я сразу же вышла из комнаты, а через несколько минут ко мне пришла мама и принесла аспирин и шипучку «Севен-ап». О том, что было, она не сказала ни слова. Донна говорит, что они определенно занимались сексом, я это и сама уже знала, но, похоже, им это не слишком нравилось. Мне показалось, что они просто медленно двигаются и при этом даже не смотрят друг на друга.

Мэдди предположила, что это у них, скорей всего, было «легкое баловство». Уффф! Надо же, мои родители – и занимаются сексом. Какая грязь! Мне, конечно, известно, что именно из нее-то я и появилась на свет, но если я больше этого не увижу, то не стану особенно переживать. Даю тебе слово: если когда-нибудь мне придется заниматься сексом, то я постараюсь извлечь из него гораздо больше удовольствий, чем они.

Только что у нас были мама с папой, чтобы пожелать спокойной ночи. Они сказали Донне, что ее родители по телефону просили передать, что завтра ей не надо будет идти в церковь, так что она может остаться у нас ночевать. Мы все очень обрадовались этому.

Папа попросил, чтоб мы все закрыли глаза и держали ладонь открытой, а потом вложил в каждую протянутую руку по шоколадке. Попросил только, чтоб мы ничего не говорили маме. После него пришла мама и дала мне небольшой пакет, предупредив, что отец не должен про это узнать. В пакетике оказались еще три шоколадных батончика! Мэдди взглянула на свою шоколадку и с грустью вздохнула: «Прыщи». Больше она ничего не смогла произнести. Тем не менее она развернула обе шоколадки и, как мы все, засунула их в рот. После этого с набитыми шоколадом ртами мы попытались исполнить «Плыви, плыви, наша лодка». Тут Донна сказала, что разжеванный шоколад похож на то, что оставляет после себя Трой, и нам всем пришлось его выплюнуть.

Представляешь, какую жуткую историю рассказала нам Мэдди. Одна семья на ночь ушла из дому, а когда они вернулись, то застали у себя убийц, только и ждавших их возвращения. Там было еще много страшного, но мне не слишком, честно говоря, хотелось это запоминать. А то потом мне будут сниться кошмары. Донна вышла пописать, и Мэдди призналась, что и она тоже видит дурные сны.

Ей просто не хотелось говорить об этом в присутствии Донны, потому что та может неправильно это понять. Так, например, ей снится, что я блуждаю в темном лесу. Но тут вернулась Донна, и Мэдди замолчала. Интересно, видела ли Мэдди длинноволосого? Чувствовала ли дыхание ветра? Мэдди записывает в дневнике свои стихи, потому что, как она говорит, это куда веселее, чем все время пользоваться теми же самыми скучными, обычными словами. И потом, если кому-нибудь в руки попадет дневник, то этот человек навряд ли сумеет понять все, что там написано. Одно дело проза, а другое – стихи. Надо будет завтра самой попробовать.

Остальное потом.

Ха! Говорила же я, что сумею заставить Донну закурить. Мэдди вытащила из пачки одну сигарету и закурила сама, потом протянула ее мне, чтобы я попробовала. Мне понравилось выдыхать изо рта дым. Как будто я выпускаю из себя колышущегося, струящегося, танцующего духа. Мне казалось, что я совсем взрослая женщина, вокруг меня сидят люди, глазеют – и завидуют. Даже Донна сказала, что я выгляжу по-настоящему взрослой, когда курю. А ведь я даже не затягивалась! Интересно, что бы я почувствовала, если бы на самом деле сделала затяжку?

Очередь была за Донной, и, прежде чем она успела отказаться, я выпалила: «Я рада, что попробовала, и вовсе не обязательно повторять, если не захочется». Тогда она взяла сигарету и выпустила вверх несколько колечек дыма. Донна тоже неплохо смотрелась с сигаретой во рту, но тут она чего-то испугалась, глотнула дым и громко закашлялась, так что нам пришлось срочно погасить сигарету и проветрить нашу крепость – на случай, если бы мама и папа вдруг проснулись и решили к нам заглянуть. Для себя я решила, что как-нибудь куплю пачку сигарет и буду держать ее, как это делает Мэдди. Уверена, что у меня курение не войдет в привычку. Для этого я слишком осторожна.

А сейчас мы ложимся спать, и все прощаемся со своими дневниками. Спокойной тебе ночи. Думаю, что мы с тобой станем хорошими друзьями.

С любовью, Лора

29 июля 1984

Дорогой Дневник!

Вот мое стихотворение:

Хватит света ему, чтоб в меня заглянуть,

Я ж его различить вдалеке не могу.

Под окном он стоит,

Чтоб с улыбкой схватить,

Закружить, завертеть.

Выходи, говорит, поиграй;

Нет, лежи, нет, лежи – не вставай.

Мое платье и все мои волосы –

Тот же лес и обрывки стихов.

Вот он рядом совсем,

Но его ведь здесь нет,

Вот он рядом – зову,

Но ни слова в ответ.

Я кричу, а меня

Не услышит никто.

Я шепчу, а он думает,

Только ему.

В горле сами собой застревают слова.

Мне все кажется это расплатою за

Грех минувший, а может,

Мой будущий грех.

И никто, и никто не приходит помочь.

Он смеется:

Спи, крошка, теперь уже ночь.

30 июля 1984

Дорогой Дневник!

Мэдди привезла с собой целую кучу одежды и заставила меня все перемерить перед зеркалом. Она, должно быть, чувствовала, что я чем-то удручена… так мне кажется. Некоторые из ее вещей были очень красивые. Мне нравилось, как они на мне сидят. Особенно хорошо я смотрелась в туфельках на высоком каблуке, короткой юбке и таком прелестном белом пушистом свитере.

Мэдди, глядя на меня, сказала, что я напоминаю ей Одри Хорн. Это дочь Бенджамина Хорна, у которого работает мой отец. Бенджамин очень, очень, очень богатый. Одри – красивая девочка, но тихоня и бывает вредная. Ее отец не обращает на свою дочь особого внимания, и, может, потому она себя так ведет. Со мной же он всю жизнь, сколько я себя помню, всегда нежен. Каждый раз, когда «Грейт-Нозерн» устраивает вечеринку или какое-нибудь другое сборище, Бенджамин сажает меня к себе на колени и начинает тихонько мурлыкать мне песенку. Иногда мне неудобно перед Одри: когда она видит это, ей, должно быть, становится так нестерпимо грустно, что она часто убегает из комнаты и не возвращается до тех пор, пока ее мать не приведет ее обратно. Бывает, правда, что мне делается даже приятно, когда она убегает. Тогда я становлюсь как бы центром внимания, и для него я дороже собственной дочери. Понимаю, это не очень приятно говорить, но я хочу быть честной.

Если уж быть честной до конца, то признаюсь: мне тоже понравилось, как я выгляжу в нарядах Мэдди. У меня внутри все так и потеплело. Совсем как на качелях, пока не привыкнешь к их движению вверх-вниз. Ручаюсь: если бы я всегда носила эти вещи, моя жизнь сложилась бы иначе.

Потом Мэдди и я пошли погулять, но уже, конечно, просто в джинсах и футболках. У нас в Твин-Пикс на каблуках и в короткой юбке ходят только по большим праздникам или во время фестивалей, когда повсюду развешаны транспаранты и гремит танцевальная музыка. Мы дошли до Истер-парка и немного посидели в беседке на холмике. Мэдди рассказала, что вполне довольна своей жизнью с родителями – «только вот ты и представить себе не можешь, как они во все лезут!». Я привожу ее высказывание дословно, потому что оно, по-моему, очень хорошо передает суть дела. Еще она сказала, что в жизни много такого, к чему сперва трудно привыкнуть, но потом все равно привыкаешь, и ничего.

Может, и мне тоже пора так начать думать. Тогда я, может, стану гораздо лучше, чем сейчас, когда я беспрестанно размышляю над тем, что со мной происходит. Я очень надеюсь, что скоро настанет такое время, когда все именно так и будет, и я сумею наконец избавиться от своих тревожных мыслей. Мыслей, которые я даже не могу толком выразить словами. Если я стану лучше, чем сейчас, и буду стараться каждый день, то, вероятно, все уладится.

С любовью, Лора

30 июля 1984

Когда-нибудь стать взрослой будет легче

Внутри у женщин скрыто два холма,

Им надоело оставаться в доме,

Спешат увидеть солнце и луну

И блестки звезд во тьме мужской ладони.

Оглядеть себя люблю я

По утрам, открывши веки:

Вот холмы, а вот долины

И подводные там реки.

Все снаружи

Расцветает,

Но, увы, мертво внутри.

О, если б я понять смогла

Причину своих слез,

И место уступил кошмар

Дыханью светлых грез.

2 августа 1984

Дорогой Дневник!

Я уже так давно ничего в тебя не записывала и очень перед тобой виновата. Три дня назад уехала Мэдди, и все это время у меня в душе живет страх. Он вызван чем-то, для меня самой еще не ясным.

Случилось, правда, и кое-что хорошее. В середине прошлой ночи я вдруг ощутила непередаваемо прекрасное состояние. В груди было так тепло и между ног тоже. Впечатление такое, будто все мое тело вывернулось наизнанку и я вот-вот улечу куда-то. Думаю, это был оргазм, который я испытала во сне. Понимаю, что писать об этом ужасно стыдно, но в то же время не могу не

чувствовать и некоторого удовольствия.

Сразу после этого мне почудилось, что ко мне в спальню зашел мальчик, и сквозь ночную рубашку я ощутила его мягкое прикосновение. Он шептал мне ласковые, нежные слова, а потом сказал, чтобы я лежала очень тихо, а то он уйдет. Затем он потянул меня к краю кровати за ступни, и, когда мои ноги коснулись пола, он заставил меня закрыть глаза. Тут я почувствовала, как он раздвигает мне ноги – все больше и больше, так что мне пришлось посмотреть, что происходит, а когда я открыла глаза, его уже не было. Я взглянула на свой живот и увидела, что беременна. Он был внутри меня, но такой крошечный, совсем как младенец. Как жалко, что все так закончилось. И зачем только мой мозг так все оборвал? Мне больше нравилось, когда меня нежно тянули с кровати и я вся отдавалась этому приятному ощущению.

Лора

7 августа 1984

Дорогой Дневник!

Всю первую половину дня сегодня я провела с Троем – вылизывала, чистила и кормила. Меня восхищает, до какой степени он, кажется, понимает мои чувства. Пока я расчесывала ему гриву, Трой стоял, прижавшись ко мне носом, а когда я присела в уголке его загона, он тут же опустил голову и, с моего разрешения, принялся обнюхивать мою шею и дышать в лицо. Интересно, бывает ли, чтобы люди по-настоящему влюблялись в своих лошадей, как я? Или, может, не следует предаваться такого рода мыслям и чувствам?

Как бы мне хотелось, чтобы пришла Донна. И конечно же, Мэдди. Надо будет обязательно позвонить Донне и узнать, не сможет ли она приехать ко мне с ночевкой или выбраться хотя бы на полдня. Если нет, то тогда я могла бы побыть у нее дома. Наверное, это было бы даже лучше. Иногда моя собственная спальня кажется мне самым чудесным местом в мире, но порой она похожа на тюремную камеру, где тебя медленно душат.

Хотелось бы мне знать, не то же ли самое испытывает человек, умирая… то есть как будто бы его кто-то душит.

Или он ощущает то, что говорят об умирающих в церкви на проповеди? Что они возносятся в небо, все выше и выше, пока Иисус не увидит их там и не возьмет за руку. Кстати, я совсем не уверена, что мне хотелось бы быть рядом с Иисусом, когда настанет мой черед умереть. Ведь я могу сделать что-нибудь не так, пусть даже это будет маленькая ошибка, а его это огорчило бы. Я недостаточно про него знаю, чтобы быть уверенной, что именно может его рассердить. Библия, конечно, говорит, что он всепрощающий, и умер на кресте за мои грехи, и любит каждого человека независимо от его недостатков… но все кругом говорят, что я идеальная дочь, самая счастливая девочка на свете и у меня нет никаких неприятностей. А это совершенно не так. И откуда же мне знать, что Иисус в действительности за человек и похож он на меня или нет? Может, ему иногда страшно и он совершает что-нибудь дурное, хотя большинство людей и не подозревают, как и когда он это делает? Скорей всего, я буду находкой для Сатаны, если не стану осторожнее. Иногда, во время своих встреч с БОБОМ, я думаю, что и так нахожусь во власти Сатаны и мне никогда уже не выбраться из темного леса, чтобы снова можно было стать прежней Лорой – доброй, честной и чистой.

Иногда мне приходит на ум, что жизнь для всех нас была бы куда легче, если бы нам не приходилось думать о себе как о мальчиках или девочках, мужчинах или женщинах, молодых или старых, толстых или худых… если бы вместо этого мы могли бы считать себя совершенно одинаковыми. Да, нам могло бы такое скоро наскучить, но зато опасность, которую таит в себе наша жизнь, навсегда бы исчезла…

Я снова к тебе вернусь, после того как позвоню Донне.

Донна сказала, что ей очень хотелось побыть со мной вместе сегодня вечером, но как раз в этот день у них какое-то «семейное торжество». Так что мы остаемся с тобой, Дневник, один на один. Может, удастся выбраться вместе в лес и выкурить там одну из тех сигарет, что оставила для меня Мэдди. Всего их четыре, и я надежно спрятала их в ножке кровати. Обычно там я прячу школьные записочки, когда мне не хотелось бы, чтобы они попались на глаза маме, когда она приходит сюда ко мне убираться (или шпионить за мной)… ну, знаешь, мамины штучки. Я ее люблю, но она далеко не всегда понимает, что

именно я пытаюсь ей рассказать. И если бы она узнала обо всем, что творится у меня в голове, с ней бы наверняка случился инфаркт. А прячу я свои секреты так: отвинчиваю набалдашник, и там внутри есть углубление. Папа бы назвал его «полостью». В ней дюйма четыре глубины, словом, просто идеальный тайник. А если на спинке кровати висит к тому же сумочка или, скажем, свитер, то догадаться, что набалдашник отвинчивается, абсолютно невозможно.

Так что, может быть, мы еще выберемся с тобой вдвоем в лес, возьмем с собой фонарь и сигарету и побеседуем всласть. Я знаю, что ты можешь хранить тайну даже еще надежнее, чем Донна. Маме я бы ни за что не решилась рассказать обо всех своих сексуальных мыслях. Боюсь, что, если что-нибудь подобное вдруг вылетело бы из моего рта, это наверняка услышал бы Бог. Во всяком случае, кто-то мог догадаться, какая я испорченная, и сказать… Ну, например, так: «Никто, кроме нее, ни о чем подобном не размышляет!»

Ручаюсь, что он был бы прав. Ручаюсь также, что у меня никогда не будет любимого, потому что всякий раз, когда мы захотели бы поцеловаться или просто повалять дурака, он бы не мог не подумать, что я какая-то сумасшедшая – странный, больной человек. Искренне надеюсь, что не такова. Как бы я огорчилась, если бы все это было правдой! Но как, как мне избавиться от своих теперешних мыслей? Ведь я ничего не могу поделать со своей головой и запретить ей думать, о чем захочется.

От этих мыслей мне становится до того тепло, а грудь так и вздымается, то наполняясь воздухом, то выпуская его, точь-в-точь как бывает в кино или в книгах, но все-таки не совсем так, как у меня, потому что там героини никогда не говорят о своих фантастических грезах.

Сейчас мне предстоит спуститься к ужину. Жалко, что, уходя, я не могу спрятать и тебя в ножке кровати. Пока что мне придется прикрепить тебя клейкой лентой к стене за доской, где висит расписание уроков. Надеюсь, ты меня не подведешь и не выпадешь оттуда, пока меня не будет.

Остальное потом.

Лора

11 августа 1984

Итак, Дневник!

Опять мы с тобой вдвоем. Примерно в миле от дома, в предвечерний час. Летом в это время суток лес еще не кажется таким страшным, как ближе к ночи. Здесь в лесу тепло, и вместе с тобой, Дневник, мы сидим, прислонившись к стволу большого дерева. Это сосна. Наша с Донной любимица. Когда я смотрю вверх, мне кажется, ее ветви качают меня, как в колыбели.

Я думаю, что сейчас выкурю ту сигарету. У меня с собой жестянка из-под содовой, чтобы можно было стряхнуть туда пепел и бросить окурок, а то в лесу начнется пожар и сгорит весь наш Т. П.[3 - Т. П. – сокращение названия городка, где проживает героиня. В тексте игра слов: Т. П. означает также «туалетная бумага» (Тойлет пейпер). – Примеч. перев.] В школе мы иногда так называем Твин-Пикс. Весь мир подтирает задницу Т. П., как любит говорить Бобби Бриггс. Он еще таскает всех девчонок за волосы и рыгает нам прямо в лицо. Конечно, мы все ему нравимся. Как-то я зашла после уроков в кафе «Дабл Р», и он заскочил за мной и изо всех сил дернул меня за волосы.

Норма подмигнула мне и спросила, назначен ли у нас уже день свадьбы. Она просто спятила, если думает, что я могу даже близко к такому подойти. Мальчик, который мне понравится, так дергать меня за волосы наверняка не станет… Мне кажется, он будет делать это нежно, как происходит в моих снах. Он соберет мои волосы на затылке и медленно приблизит мою голову к себе, чтобы мы могли целоваться языками.

Интересно, члены у других мужчин такие же, как у папы, или нет? Я до сих пор не могу забыть, как мама в ту ночь старалась прикрыть его простыней. Мне он показался просто куском сырого мяса. Может, через какое-то время он и будет выглядеть ничего, а может, он и был вполне нормальным, пока с него не содрали кожу, так что он стал розовым и чудным. Надеюсь, когда-нибудь я смогу увидеть что-нибудь более приятное на вид. Господи, сделай, чтоб так оно и было. Не хочу я лежать так, как лежала тогда мама. Как будто рыба на берегу, когда ее вытащили из воды и она пытается дышать. Одни только судорожные вдохи-выдохи, и ничего больше. Если только мне удастся найти настоящего мужчину, тогда, наверное, я смогла бы с удовольствием заниматься с ним

любовью так, как, по моему мнению, это и должно происходить. Наполовину управляемо и наполовину… Не могу подобрать нужного слова. Кажется, я становлюсь слишком уж испорченной. Если бы кто-то прочел то, что я здесь пишу, я бы просто умерла со стыда.

В лесу уже ухают совы. Одна из них сидит на дереве прямо у меня над головой… Все-таки она какая-то странная. По-моему, это сова мужского пола и, кажется, следит за мной. Всякий раз, когда я смотрю наверх, она тут же дергает головой и отворачивается. Интересно, знает ли она, о чем я тут пишу? Господи, пора мне уже наконец стать хорошей девочкой. Прямо сейчас. Может, это такая птица, про которую я однажды читала? На плечи вам опускается большая птица, она нежно прижимается к вам, а сама в это время занята тем, что читает ваши мысли. И если они были скверными, птица старается клюнуть вас в глаза и уши, словно указывая: надо смотреть и слушать, а не предаваться плохим и грязным мыслям.

Иногда мне так хотелось бы летать. Интересно, мечтают ли птицы хоть когда-нибудь о том, чтобы ходить в школу или на работу? Или чтоб у них были платья и костюмы, а не перья, о которых так мечтаем мы? Будь я птицей, я поднялась бы в небо над Твин-Пикс и улетела бы далеко-далеко за его пределы. И никогда бы не вернулась обратно, если бы в этом не было необходимости.

А сейчас я только запишу свое стихотворение, и можно будет отправляться домой.

То, что во мне таится,

О том никому не ведомо,

То мой секрет.

Но вот завладел он мною

И тянет меня за собою

В глухую ночь.

Секрет мне на ухо шепчет:

Ты не будешь смеяться с друзьями,

Ты не будешь взрослеть вместе с ними,

Если только не дашь мне слово

Не выдать мое имя.

В жизни ль все это или, может,

Просто взяло и мне приснилось.

Но едва лишь ОНО прикоснется,

Я пропала, я вся растворилась.

Слез не лью,

Не зову на помощь,

Руки чьи-то меня обвивают,

Чьи-то пальцы впиваются в тело,

Чей-то голос тихонько взывает,

Манит в лес, как в кошмаре страшном,

Меня неправую,

Меня прекрасную,

Меня порочную,

Меня – Лору.

Надо возвращаться домой. Пора. Уже стемнело. Оставаться здесь дольше не слишком приятно.

Лора

16 августа 1984

Дорогой Дневник!

Еще никогда в жизни не была я в такой растерянности. Сейчас ровно половина шестого утра, и я так дрожу, что едва в состоянии держать ручку. Только что я снова была в лесу. И заблудилась. Но кто-то меня вел. Мне кажется, я очень плохой человек. С завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Не буду думать ни о чем таком. Не буду больше думать о сексе. Может, он перестанет являться, если я очень постараюсь быть хорошей. Может, мне удастся стать такой, как Донна. Она хороший человек. А я плохая.

Лора

P. S.

Обещаю, обещаю, обещаю быть хорошей!

31 августа 1984

Дорогой Дневник!

Я ничего не записывала в тебя целую вечность, потому что я так старалась быть счастливой и вести себя хорошо, все время находясь среди людей, чтобы не быть одной и не дать воли плохим мыслям. Но сегодня я не могу больше молчать: слишком много всего накопилось.

У меня начались месячные. Это не совсем то, что я думала. На следующей неделе идти в школу, а тут такое. Утром я встала с кровати и вдруг вижу кровь. Я позвала маму, и она, понятное дело, устроила из этого целую историю. Хотя я просила ее никому ничего не говорить, она тут же позвонила папе. И теперь, наверное, в «Грейт-Нозерн» все все знают. Мне просто нужны были эти проклятые тампоны, или как там они называются, а она вместо этого начала мне объяснять, что я теперь стала женщиной и все такое прочее. Ну хорошо. Хорошо. Событие это не рядовое. Но моя жизнь от этого может стать только хуже, если не проявлять осторожности. Сейчас, во всяком случае, у меня колики и я лежу в кровати.

Мама передвинула ко мне в комнату телевизор – весьма мило с ее стороны, – на моем животе грелка, а рядом на ночном столике гора аспириновых таблеток. Телевизор меня не особенно интересует, так что я снова осталась один на один со своими мыслями о жизни и о… других вещах. Мне кажется, то, что выходит сейчас из меня, должно было бы стать источником жизни для какого-то другого существа. Я радуюсь, что больше во мне нет никого. Во всяком случае, ребенка.

Иногда я думаю, что внутри меня кто-то находится, но это как бы и не во мне, а в ком-то чужом. Порой я даже вижу эту незнакомую «ее» в зеркале. Я вовсе не уверена, что мне когда-нибудь захочется иметь детей. С родителями или людьми, которые ими становятся, что-то происходит. Мне кажется, они забывают, что сами когда-то были детьми и кое-какие вещи порой могут смущать или огорчать их собственных детей, но они или забывают об этом, или сознательно не обращают внимания. Со мною поздней ночью происходит иногда множество дурных вещей, так что я, вероятно, никогда хорошей матерью не стану. От этого мне делается грустно.

Рада я одному: Юпитер лежит рядом со мной на кровати и тихонько мурлычет. Как и ты, он никогда не будет меня ругать.

Лора

1 сентября 1984

Дорогой Дневник!

Груди у меня болят, и, по-моему, это как-то глупо, потому что они ведь такие маленькие. Должна, правда, сказать, что они больше, чем были на прошлой неделе, и уж, конечно, выглядят гораздо красивее. И у них такие упругие маленькие розовые соски. Но, господи, как они болят.

Мама зашла раньше обычного, и мы очень мило с ней поговорили. Я сказала ей, что не надо было ничего рассказывать папе о моих месячных. Тут она извинилась, но заметила, что поступила так единственно из-за того, что знала:

он будет гордиться своей маленькой девочкой, которая отныне стала женщиной. Она поменяла воду в грелке и долго массировала мне живот. Все это время нам ничего не надо было говорить друг другу, но я все же чувствовала, что наш разговор продолжается.

Потом она легла рядом со мной на кровать, и я заснула у нее на плече. Примерно через час я проснулась, мы с мамой распили на двоих бутылку содовой, и впервые за долгое время я почувствовала, что мы по-настоящему с нею близки.

Надеюсь, сегодня ночью я буду спать без сновидений.

С любовью, Лора

9 сентября 1984

Дорогой Дневник!

Я открыла в себе нечто новое. Помнишь ту ночь, про которую я тебе рассказывала, когда я проснулась от охватившего меня блаженства? Ну так вот! Я обнаружила, что у меня на теле имеется одно место и оно позволяет мне вызывать это ощущение в любой момент. Теплое, чудесное место, где все остальное растворяется, оставляя меня один на один с моим блаженством. Маленькая потайная красная кнопка. И здесь я полная хозяйка. Наконец-то есть нечто, способное унести меня прочь, так же как и мои грезы. Я могу добиваться этого, лежа в кровати и нежно лаская кончиком пальца заветное место. До чего приятно! Можно делать это и в ванне под водяной струей (вот уж не думала, что ванна способна доставлять такое удовольствие). Можно под душем, когда на тебя сверху нежно льется вода.

Я извиваюсь и подпрыгиваю у себя в постели, и мне иногда приходится накрывать голову подушкой, чтобы было совсем темно. И еще, чтобы никто не слышал моих вскриков. Это же все-таки тайна. Хорошая она или плохая, но она доставляет мне наслаждение, и никто не должен знать о ней, кроме тебя, дорогой Дневник.

Ну и неделя! Сначала мои месячные и все, что с ними связано, а теперь это сладостное, как мед, открытие. Сейчас я чувствую себя по-настоящему женщиной, и, наверное, не далек тот день, когда я смогу разделить эту тайну со своим избранником.

Спокойной ночи! Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Лора

P. S.

Всем сердцем надеюсь, что не совершаю ничего дурного этими своими прикосновениями. Надеюсь, все девочки поступают точно так же и мне не грозит в будущем никакое наказание.

15 сентября 1984

Тому, кто посмеет это прочесть.

Никак не могу примириться с мыслью, что перестала верить родителям и друзьям. Теперь я точно знаю, что кто-то брал и читал мой дневник, и этих «кто-то» могло быть даже несколько. Теперь я уже долго не буду ничего записывать в этом дневнике, если вообще буду. Ты, кто прочел мои записи, разрушил мою веру в право тайны личной жизни. Кто бы ты ни был, ненавижу тебя за это!

На этих страницах я записывала то, что и мне самой было бы страшно или стыдно перечитать… Я верила, что только я одна вправе листать эти страницы и только тогда, когда пожелаю. Многое здесь терзает и сбивает с толку меня самое. Но оно необходимо мне, чтобы мои тайные мысли выплеснулись наружу и я смогла отогнать их прочь от себя.

Пожалуйста, не трогайте этот дневник.

Я серьезно.

Лора

3 октября 1985

Дорогой Дневник!

Прошел год, даже больше, пока я решилась вновь начать говорить с тобой. Мне удалось найти тайник, о котором я, правда, не буду распространяться на тот случай, если тебя обнаружат в другом месте и кто-то станет совать свой нос в мои тайны.

Я знаю, это не твоя вина, что тебя нашли и как воры проникли на твои страницы, но мне потребовался долгий срок, чтобы перестать бояться откровенничать с тобой. Много, много всего случилось с тех пор, как я в последний раз обращалась к тебе, и происшедшее только доказало: как я была права, считая этот мир местом жестоким и печальным!

Я не верю никому и лишь изредка – самой себе. По утрам, днем и вечером меня терзает одна и та же мысль: что есть добро, а что зло? Я не в силах понять, наказывают меня за что-то, сделанное мною неправильно, о чем я даже не помню, или же подобное происходит с каждым и я просто слишком тупа, чтобы это осознать.

Во-первых, я обнаружила, что не папа подарил мне Троя. А сделал это Бенджамин Хорн. Детали опускаю, но как бы то ни было, я невольно услышала, как Одри ссорилась из-за этого со своим отцом. Я была тогда у них в «Грейт-Нозерн», чтобы повидаться с Джонни. Это брат Одри, еще один ребенок Бенджамина. У Джонни отставание в развитии. Он старше, чем я, но у него ум маленького ребенка. Так, во всяком случае, говорят врачи.

Иногда я думаю, что он специально помалкивает, потому что куда интереснее бывает просто слушать людей, чем разговаривать с ними. Единственные слова, которые он произносит, это «да» или «индейцы». Он без ума от индейцев, постоянно носит индейский головной убор из прекрасных ярких перьев и полосок цветной кожи. Для него мир – это странная смесь счастья и страдания, и мне кажется, я понимаю Джонни гораздо лучше, чем многих других людей. Может быть, надо выкраивать больше времени для общения с ним. Его так часто бросают одного.

Я в восторге, что у меня есть мой пони, мой Трой, и обожаю кататься на нем верхом, прогуливать его или просто смотреть, как он пасется. Но теперь я испытываю чувство неловкости за папу. Как будто он перестал быть правдивым человеком, каким был всегда, после того как сказал, что Трой – это его подарок. Не знаю, может, так хотел Бенджамин. Но в любом случае я всем этим очень заинтригована и чувствую, что обязана Бенджамину больше, чем папе.

Иногда я начинаю думать, что лучше бы уж мне не дарили никакого пони: тогда я не потеряла бы своего уважения к отцу, а Бенджамин оставался бы для меня просто Бенджамином. И самое плохое, что мы с Одри теперь никогда в жизни не сможем дружить. Мне даже немного не по себе, что всему виною я. Но вместе с тем я от этого чувствую свою силу. И почему это такого рода вещи случаются именно со мной?

Знаешь, мне кажется, что из всех людей на свете доктор Хэйворд действительно меня любит. Он бескорыстен, добр, и у него для меня всегда находится нежная улыбка, которая меня вдохновляет или прощает, – словом, заполняет ту пустоту, что у меня внутри. Тринадцать лет назад он помог мне прийти в этот мир и на короткий миг прижал к своей груди мое маленькое тельце. В своем воображении я рисую себе этот момент как один из самых светлых в моей жизни. Я люблю доктора за то, что он прижал к себе меня, этот испуганный маленький комочек, только что открывший мир воздуха и света, за то, что он внушил мне уверенность, не сказав ни единого слова. Я знаю, если понадобится, он снова меня поддержит.

Он из тех, кого я с удовольствием видела бы каждый день. От него исходит нежность дедушки, и вместе с тем всегда ощущаешь твердую поддержку, совсем как у отца.

Вернусь после ужина. Осталась еще масса новостей.

С любовью, Лора

3 октября 1985 (позже)

Дорогой Дневник!

Сегодняшний ужин просто прекрасен. Еще бы, одно из моих самых любимых блюд – картофельные оладьи, политые сверху кукурузным соусом, с овощным гарниром. Надо будет мне скоро изменить свою диету, а не то рискую раздуться, как воздушный шар. Мама приготовила сегодняшнее блюдо специально для меня, потому что знает: я все еще расстроена из-за Юпитера. Она и папа ели на ужин курицу.

А сейчас я расскажу тебе про Юпитера. Обычно он выходит на задний двор и там играет. Участок не огорожен, но Юпитер ни разу не убегал. Мне кажется, он слишком умный, чтобы оставить дом, где его так любят и так хорошо кормят. Хотя я не так уж часто рассказывала тебе о нем, он всегда был одним из самых любимых друзей для меня, неизменно ласковым и нежным. Всегда любил меня, как бы я ни выглядела и как бы себя ни вела – хорошо или плохо.

Часто ночью, когда мне не спалось, мы с ним вдвоем играли внизу с клубком ниток при тусклом свете маленького бра. Потом обычно отправлялись на кухню за мороженым. Он прямо обожал ванильное. В доме темно, а мы бесшумно крадемся в гостиную – и там нас неожиданно настигает сон, через много часов после того, как мы потеряли всякую надежду заснуть. У меня есть фотография, сделанная папой, на которой Юпитер и я спим на кушетке после одной из таких ночей. У нас не было сил подниматься по лестнице, и мы свалились там, где играли.

Я дала фото Юпитера шерифу Трумэну, чтобы он выставил его у себя в полицейском участке. Я надеюсь, что они разыщут того, кто сшиб моего Юпитера. Понимаю, что, скорей всего, это был несчастный случай, потому что за несколько минут до того Юпитер как раз обнаружил мышонка или что-то в этом роде… Я не особенно обращала на него внимание, пока он не побежал за ним и

не выскочил на дорогу, где его сшибла машина. Мама услышала шум и крикнула, чтобы я оставалась там, где была, пока она не выяснит, что случилось. Слишком часто, однако, у нас с мамой появляются одинаковые мысли, бывают одинаковые сны… как вообще она могла подумать, что я ее послушаюсь и останусь у себя в комнате, когда я все уже знала. Ясно, что я не стала ждать и тут же выбежала на улицу. Юпитер еще дышал, а из глаз и живота лилась кровь.

Не могу поверить, что можно вот так среди бела дня переехать кошку и потом никому ничего не рассказать об этом. Даже не подумать остановить машину и зайти в ближайший дом сообщить о происшедшем. Мама говорит, что слышала, как завизжали тормоза, а папа заявил, что если бы он был дома, то мог бы по этому звуку определить, что это была за машина. Я лично в этом сомневаюсь, но слышать его слова было все-таки приятно.

Мы похоронили Юпитера недалеко от дома. Вот и ушел настоящий друг, когда их у меня так мало и я так их ценю. Лучше бы я потеряла что-нибудь другое, а не моего Юпитера.

Если быть с тобой откровенной, как я всегда и поступаю, многие у нас в Твин-Пикс меня любят. Множество людей знает, как меня зовут, а уж у себя в школе я известна всем и каждому. Вся проблема в том, что, в отличие от этих людей, которые полагают, будто знают меня, я их решительно не знаю. Думаю, с полным правом могу сказать, что и они меня не знают. Лучше всех остальных знает меня Донна.

И все равно я боюсь рассказывать ей о своих фантазиях и кошмарах, потому что иногда она все понимает, но, бывает, в ответ просто хихикает, и у меня не хватает духу спросить у нее, почему такого рода вещи ей кажутся смешными. Мне тогда опять становится неприятно, и я надолго перестаю делиться с ней. При этом я очень люблю Донну, но, боюсь, она бы не водилась со мной, если бы знала, что таится у меня внутри. Душа моя мрачная и черная, и она населена образами великанов из моих снов: каждый из них знает, как ему лучше схватить меня и подчинить своей воле. Прекрасная принцесса, которая полагает, будто ее спасли из заточения в башне, обнаруживает, что спаситель сделал это только ради того, чтобы войти в ее лоно, и как можно глубже, а вовсе не для того, чтобы ее освобождать. Его цель – укротить ее, как будто она дикое животное, дразнить ее, заставлять лежать с закрытыми глазами и слушать, как он рассказывает обо всем, что он с ней делает. Шаг за шагом. Надеюсь, все не так ужасно, чтобы нельзя было об этом думать.

С любовью, Лора

12 октября 1985

Дорогой Дневник!

Вчера вечером я в первый раз попробовала сигарету с марихуаной. Мы были у Донны, где я ночевала, но ее родители ушли вместе с моими на вечеринку в «Грейт-Нозерн», которую устраивал Бенджамин, так что мы остались в доме совершенно одни. Ни Донна, ни я не хотели там быть – особенно я, учитывая Одри. Я уговорила Донну взять велосипеды и поехать в Читальню, чтобы с кем-нибудь там познакомиться. Мне пришлось бесконечно долго убеждать ее, что я никому ничего не скажу, и обещать ей, что мы вернемся до прихода родителей. В конце концов она согласилась, потому что нам обеим до чертиков надоело видеть вокруг все время одни и те же лица.

Мы не пробыли там и получаса, как к нам подошли трое парней – Джош, Тим и еще один, чье имя я не могу вспомнить. Я как раз курила сигарету, которую утащила из пачки на стойке портье, когда последний раз была в «Грейт-Нозерн» и принесла Джонни книгу рассказов об индейцах.

Ребята решили, что нам больше лет, потому что одна из нас курила. Вот они и подошли, Джош с Тимом и третий парень. Сказали, что они из Канады, и этому легко было поверить, потому что к каждому слову они прибавляли «н-да».

– Хочешь сигаретку получше, н-да? – обратился Тим к Донне.

Она ему явно понравилась, и это ее немного удивило, потому что все трое выглядели лет на двадцать. Меня же никто из них особо не взволновал. Все они были милые ребята. С такими чувствуешь себя в безопасности, но никакого возбуждения… Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я им сказала, что не прочь была бы попробовать сигаретку получше, и мы с Донной вместе с ребятами пошли за угол дома. Донна выдумала целую историю, что в Твин-Пикс мы с ней проездом и уезжаем сегодня вечером – самое большее через час мы должны быть у своего экскурсионного автобуса. Наш тур, по ее словам, называется «По лесным местам». Мне кажется, что они нам поверили, потому что сразу заторопились и тут же зажгли эту штуку. Джош сказал, что с первого раза мы можем ничего не почувствовать, но Донна и я убедились, что он не прав.

– Дым задержали, как я говорил, н-да? – спросил он.

«Задержали»!.. Целых шесть раз! Это было потрясающе, Дневник! Чувствуешь одновременно и расслабление, и тепло, и… сексуальное влечение.

Я называла Донну «Триша», а она меня – «Бернис»! Это на тот случай, если бы они вернулись и стали бы нас разыскивать… Чем бы это ни вызывалось. Просто мы не хотели, чтобы кто-нибудь знал наши настоящие имена. Так что мы чувствовали себя абсолютно раскованными и хохотали как сумасшедшие. Никогда я так не смеялась. Все вокруг вызывало приступы дикого смеха. Все казалось расплывчатым и каким-то волнистым, как будто смотришь на мир сквозь дно перевернутого стеклянного стакана. Дул теплый еще, летний ветерок, и деревья пахли так восхитительно.

Тим принес нам по чашке кофе с шоколадом, и мы все пятеро сидели и толковали о разных разностях – например, что наша Вселенная вполне может оказаться всего лишь пылинкой на свитере какого-нибудь великана, и в один прекрасный день, может быть совсем скоро, кто поручится, не стряхнет ли он нас всех с себя или швырнет в стиральную машину вместе со свитером, и мы все там захлебнемся и потонем. Донна заметила, что, вполне возможно, наши сотни лет всего лишь доля секунды для этого великана и что-то вот-вот должно произойти: сколько же можно ходить не снимая свитера?

Нам всем понравилась мысль, что на его свитере могут быть еще и другие маленькие вселенные, или «пылинки», и нам всем захотелось когда-нибудь встретиться с жителями этих других миров, лишь бы они были дружелюбны. До нас стала доноситься музыка из «Дома у дороги», и я почувствовала неодолимое желание встать и немного потанцевать. Никогда не было мне так хорошо – просто парить в вечернем воздухе и ощущать, как внутри меня разливается тепло.

Донна тоже решилась потанцевать со мной несколько минут, пока не поняла, что нам срочно надо бежать к… «нашему экскурсионному автобусу»! Пришлось наврать насчет велосипедов, которые мы якобы взяли напрокат в Бюро находок при полицейском участке, но мне показалось, что на этот раз парни не клюнули. Но если они и поняли, что мы врали им, то ничего не сказали – весьма мило с их стороны. Может, они тоже этим вечером хорошо повеселились. Ну а может, и нет. Они все-таки были старше нас, и у них, наверное, могли быть раньше и более захватывающие встречи.

Возвращаясь домой, мы то и дело должны были останавливаться, потому что давились от смеха. Потом вдруг мне дико захотелось молока с печеньем, как будто если я сейчас же их не заполучу, то сразу умру, и Донна согласилась со мной на все сто процентов, что нам просто необходимо поесть сладкого. Она сказала, что дома у них яблочный пирог, но нам показалось, что это не то. Мы вытрясли содержимое своих карманов и зашли в ближайший магазинчик, где продавались сласти. Мы столько накупили всякой ерунды, что обратно до дома Донны нам пришлось идти пешком и катить рядом велосипеды, потому что одна рука каждой из нас была занята большущим пакетом. Всю дорогу мы боялись каждого шороха, а глаза у нас налились кровью, о чем ребята нас предупредили. Мы спешили, потому что хотели попасть домой до прихода родителей.

Нам крупно повезло: едва мы завалились в дом, как позвонил доктор Хэйворд и предупредил, что они задерживаются: у Бенджамина показывали слайды или что-то в этом роде. Слава богу! Мы тут же бросились наверх и закапали в глаза капли, потом включили стерео и ели, танцевали и хохотали под музыку, а к тому времени, когда взрослые вернулись, мы уже крепко спали.

Я знаю, что наркотики – это плохо, но начинаю чувствовать, что мне они нравятся. Наверное, я все-таки сама плохая.

Остальное завтра.

Лора

20 октября 1985

Дорогой Дневник!

Прошло уже больше недели, и у меня появились свежие новости. Извини, что не написала раньше, но, честно говоря, у нас тут творится что-то ненормальное… во всяком случае, со мной. Дома-то по-прежнему, но меня все раздражает. Господи, господи, иногда кажется, что я попала в ловушку. Постоянно приходится носить на лице эту дурацкую улыбку, чтобы не приставали с вопросами, что случилось.

Меня интересует вот что: может ли боль – не такая, какая бывает, когда у тебя погибает кошка или умирает тетя, но такая, с какой надо жить постоянно, – стать… твоим другом? Тенью или твоим вторым «я». Возможно ли это?

В общем, новости довольно странные. Я слегка нервничаю: оказывается, чувство опасности может доставлять мне удовольствие. Но лучше я расскажу тебе все и сниму эту тяжесть с души. Может, это будет как с моими снами – когда изложишь на бумаге, понимать их становится не так трудно. Ну, начнем. В пятницу, то есть позавчера, мы с Донной снова отправились в Читальню, часа в четыре. Мне кажется, мы надеялись, что опять встретим там Джоша, Тима и их друга и снова поймаем кайф, покурив такую же сигарету. Мы приоделись, конечно не слишком, ничего сверхъестественного, потому что у себя в городке мы практически знаем всех и не хотим, чтобы нас увидели, а потом доложили родителям. Но все-таки мы надели довольно короткие юбки, которые облегали нас чуть больше, чем считается приличным всеми, кроме, конечно, мальчишек, слегка подкрасились косметикой, которую миссис Хэйворд подарила Донне на Рождество, потому что та мечтала поскорее начать краситься и мать решила: пусть уж у дочери будет свой косметический набор.

Ну так вот! Приезжаем мы в Читальню, а там никого нет, кроме Большого Джейка. Это мистер Морисси, хозяин заведения. Наверное, сначала надо было рассказать тебе, что это за место такое, где мы были, чтобы ты лучше все себе представлял. Читальня – это кофейня, в основном для мужчин – хотя женщин туда и пускают, ходят туда одни мужчины. Повсюду там книги, на столах и на полках, тянущихся вдоль стен от самого входа. Там пахнет сигаретами, кремом после бритья и кофе. Кофе варится там постоянно. На этот раз, как только мы зашли, я обратила внимание на фото одного парня – прямо героя из моих снов!

Я, конечно, ничего не сказала, но он меня поразил. Грубый, мужественный, а глаза – как у щенка, и такая нежная кожа.

На фото он в джинсах и кожаной куртке, держит книгу, сидит на своем мотоцикле и читает. Любовь с первого взгляда! Итак, посетителей, кроме нас, не было, и Джейк принес нам кофе. Скоро, сказал он, начнут появляться клиенты, и лучше бы, мол, нам тогда и уйти, особенно притом, как мы выглядим.

– Вы что, девочки, напрашиваетесь на неприятности с мальчиками? – спросил он то ли в шутку, то ли всерьез.

Донна вся покраснела, а я сказала ему то, что ответила бы маме или папе, если бы они узнали о нашей вылазке:

– Да мы просто прикидываемся и валяем дурака. Ради любопытства, а не всяких неприятностей.

Он понял или, скорее, сделал вид, что купился. Мы спокойно допили кофе и поднялись. Проходя мимо стойки, я, правда, сказала Джейку, что примерно с неделю назад здесь были трое ребят из Канады, которые помогли мне и Донне заклеить шины после того, как мы напоролись на осколки пивных бутылок, всегда валяющиеся перед «Домом у дороги». Если он увидит этих парней, попросила я, то пусть скажет Джошу, Тиму и еще одному, блондину, что мы хотели бы их отблагодарить чашечкой кофе или еще чем-нибудь в том же роде. И еще я сказала ему, что, скорей всего, мы будем за углом. И если они сейчас придут, то смогут найти нас там и мы немного поболтаем. Джейк обещал все передать, если только, конечно, они объявятся.

Ну и представляешь! Они появились. Должно быть, Джейк передал им все, в точности как я просила, потому что они подошли к нам со смехом и устроили нам выволочку за наше вчерашнее вранье. Донна сразу же нашлась и ответила – мол, мы просто хотели убедиться, что они приличные ребята, прежде чем раскрывать, кто мы и все остальное.

Ребята сказали, что мы выглядим просто шикарно, и тут я узнала, что третьего парня зовут Рик и всем им по двадцать два! Насчет своего возраста мы сказали, что это не важно: мы можем делать все, что хотим, но при условии, что к десяти должны быть дома. А если задержимся, то обязательно должны позвонить.

Джош сказал, что у него есть выпивка и если мы знаем какое-нибудь укромное местечко в лесу, где можно разжечь костер, то хорошо бы туда двинуть и устроить небольшую пирушку. К тому времени было уже полшестого.

На этот раз они были на грузовичке, а не на велосипедах. Мы с Донной забрались в открытый кузов и сказали им, что нужно пересечь шоссе «Лаки-21» и свернуть в лес, как только кончится Лоу-Таун. Мы решили, что там будет безопаснее всего, а если что-нибудь случится, я всегда могу сказать, что мы с Донной заблудились во время прогулки или что-то в этом роде. В любом случае я прикинула, что все должно быть нормально. Парни казались вполне приличными, и мы снова им доверились.

Место, куда мы приехали, было подходящим: поблизости ручей, а на земле почти нет хвои. Пока Тим и Рик собирали хворост, Джош открыл эту свою бутылку… джина, так мне показалось. До этого ни Донна, ни я не пили в своей жизни ничего более крепкого, чем бокал шампанского, – и всего только один раз, на дне рождения доктора Хэйворда в прошлом году. Так что и для нее, и для меня джин был целым событием. Донна немного нервничала, хотя и была радостно возбуждена. Что до меня, то я просто была возбуждена и первой из нас двоих, вслед за Джошем, отхлебнула из бутылки. Мы передавали ее по кругу… пока она не опустела.

Донна и я почти сразу же поплыли. Рик все время повторял:

– Они спеклись, ребята.

Донне и мне понадобилось пописать, и мы отошли от костра футов на тридцать, присев за деревом. В первый момент мы испугались. Здорово испугались. Вот мы сейчас вернемся к ребятам – и как нам дальше себя вести? Этого не знала ни Донна, ни я, и нам казалось, что до сих пор мы болтали слишком много глупостей, совсем как дети, и вообще все делали не то.

Когда я встала, в голове моей прояснилось. Я подумала про себя: «Теперь уже поздно отступать, ты все равно пьяная, так что лучше наслаждайся жизнью, но не забывай посматривать на часы!» Донна согласилась, что нам и на самом деле лучше плыть по течению и держаться вместе, чтобы снова не сделалось страшно.

Тим врубил на грузовичке музыку, и я спросила, не будет ли это смешно, если я немножко потанцую, потому как мне так нравится эта песенка. Все трое сказали «давай», а Донна просто сидела, уставившись на огонь. Тим подошел к ней, уселся совсем рядом и начал что-то нашептывать. Глаза у нее сделались совсем большие, она вроде засмеялась и как будто размякла. Наверное, он сказал ей, какая она хорошая, красивая и все такое. Надо не забыть потом спросить ее, что он такое ей наговорил.

Я, значит, танцевала, а Джош и Рик прямо не могли оторвать от меня глаз… мне становилось все приятнее, и чувствовала я себя все увереннее, но мне ударило в голову, и я стала изображать что-то вроде эротического танца. Того самого, который репетировала одна у себя в комнате перед большим зеркалом.
Я крутила бедрами, медленно двигая руками, иногда прикасаясь к бедрам, как бы давая понять, до чего приятно до себя дотрагиваться.

Проклятье! Мама зовет вниз мыть посуду. Но скоро я вернусь. Столько еще осталось всякого рассказать!

С любовью, Лора

Вот я и вернулась, Дневник. Извини за этот перерыв.

Итак, я танцевала, а Донна, увидев, что я вытворяю, смотрела на меня как на ненормальную. Потом ей, наверное, тоже захотелось стать центром внимания, потому что она посмотрела на часы и объявила:

– Пошли купаться голышом!

Понимаешь теперь, какая Донна была пьяная.

На секунду все опешили, и не было слышно ничего, кроме музыки, потом дружно согласились: «Ого! Идем-идем!»

Тут Донна и я разделись… абсолютно догола. Правда, трусики сначала все-таки оставили, но потом испугались: а вдруг ребята решат, что имеют дело с маленькими глупыми девчонками. Они все трое уже сидели в ручье за камнями,

когда мы с Донной голые подошли к костру. Ручей не больше трех с половиной футов в самом глубоком месте. И вот они сидели там, а мы сложили одежду и еще минуту постояли у огня. Потом мы пошли к воде, и Джош вдруг крикнул:

– Остановитесь. Ни шагу!

Мы замерли. Прошла минута, и он повернул голову к Тиму и Рику:

– Ребята, вы когда-нибудь в своей жизни видали такую красоту, как эти две девочки!

Оба издали какие-то булькающие звуки, выражавшие восторг. Мы с Донной прошли еще немножко, пока вдруг не осознали, что все трое уставились на нас… и до них совсем-совсем близко, понимаешь?

– Вы только поглядите, как падает на них свет от костра, – произнес Тим.

Донна и я посмотрели друг на друга, а потом опять на них. Различить их было трудно, потому что мы стояли близко к огню, а они там, в ручье, были в полной темноте.

– Пожалуйста, девочки, присоединяйтесь к нам, – позвал Рик из воды.

Мы так и сделали.

Это было восхитительно. Ощущать тела под водой, такие мягкие и колеблющиеся… все это казалось сном. Еще никогда не испытывала я наяву ничего более прекрасного, что так напоминало мои ночные фантазии. У всех троих… стоял. Не знаю даже, как мне его назвать… Но уж точно не пенис – слово, которое встречается только в учебниках полового воспитания. В общем, у всех у них стоял.

Тут я сказала (в основном из-за Донны, потому что знала: она обалдела от всего этого хуже меня):

– Давайте пусть сегодня это будет просто игра… и мы все отправимся домой с замечательным чувством сожаления о том, что так и не случилось… Ни Донна,

ни я не готовы сейчас идти с вами до конца.

Когда эти слова вылетели из моего рта, то на секунду я просто опешила. Кто это говорит? И что я, Лора Палмер, тринадцати лет от роду, собственно, делаю здесь, в лесу, с тремя голыми парнями, каждый из которых на девять лет меня старше?

Все согласились со мной, но Джош сказал:

– Может, все-таки разрешите к вам прикоснуться и поцеловать?

Донна посмотрела на меня так же, как год назад, когда Мэдди рассказывала, как она целовалась. Я ответила, что не возражаю, но если Донна против, то не надо ее заставлять. Теперь, когда я мысленно возвращаюсь к этому вечеру, что-то говорит мне: это был момент наивысшего возбуждения у ребят. И даже если бы мы их и попросили, они ничего плохого с нами не сделали бы, потому что сами были напуганы не меньше нашего. Такой уж это был особенный и неповторимый вечер. Как будто лес вселил во всех нас безумие, а деревья и окружавшая нас темень заставили забыть обо всем. Было уже половина девятого, и оставалось не больше часа: в десять мы должны были быть дома. Я опустилась на колени перед Джошем прямо в воду и при этом замочила волосы. Потом посмотрела на него и говорю:

– Если хочешь, можешь трогать их, я разрешаю.

Он медленно прикоснулся к моим грудям – которые, на мой взгляд, в последнее время налились и стали как у взрослой, – а сам так и дрожал весь от изумления. Я чувствовала себя на верху блаженства. Подумать только, я заставила этого двадцатидвухлетнего парня полностью потерять контроль над собой! Он потрогал груди, потом перешел к соскам, и мне было ужасно трудно удержаться, чтобы не сказать ему, как это приятно, так что я просто засмеялась.

Тим начал трогать груди Донны, а она только молча смотрела на него. У Рика не было пары, и я тогда сказала:

– Ты тоже можешь меня потрогать… но учти, мы договорились не делать глупости… понял?

Он кивнул, подполз ко мне и взял мой сосок в рот. Мне пришлось закрыть глаза, а то я испугалась, что они выскочат из орбит. Это было невероятно! Почему-то я тут же подумала о том парне на фото в Читальне, и, даже если это звучит странно, я все равно об этом скажу.

Мне представилось, что я кормлю его грудью, и это вызвало новый прилив возбуждения. Этот парень, такой взрослый… а нуждается в моем тепле и силе. Я почувствовала гордость, словно фея из сказки, способная подарить им обоим мечту. Джош приник к моему второму соску, а Тим и Донна тем временем отодвинулись чуть ниже по течению и начали разговаривать. Потом Донна вышла с Тимом из ручья, оделась и, сидя у огня, продолжала с ним беседовать. Я не стала обращать на нее внимание, да и не могла. Я не собиралась прерывать то, что давало мне такое наслаждение. Пока было возможно.

Я шепнула Джошу и Рику, что мне хочется, чтобы один из них меня поцеловал, только понежнее и помедленнее… а другой пусть продолжает меня ласкать. Рик ответил, что первый поцелуй за Джошем, но при условии, что и ему тоже будет позволено это сделать позже.

И вот Джош придвинулся ко мне, совсем близко и, перед тем как поцеловать, произнес тихо-тихо: «Нежно, да?» И я ответила: «Да». Тогда он спросил: «Понежнее и помедленнее…» И он открыл рот, и я открыла, и наши языки начали двигаться вместе… похоже, мы уже не могли остановиться. Но все совершалось медленно… так медленно и приятно. Все это время Рик продолжал сосать мою грудь, как если бы он был голоден и постепенно насыщался или ел мороженое, причмокивая от удовольствия. Хотя, судя по этим звукам, ему было приятно, но мне, поверь, было еще раз в десять приятнее.

Я впала в забытье и уже не знала, сколько времени это продолжается, и мне стало казаться, что со мной в жизни никогда не случалось ничего плохого. Все куда-то отступило, и мне вдруг сделалось все равно, увижу ли я когда-нибудь Донну, маму, папу, всех остальных… Меня захлестнуло чувство, что я нужна, необходима, желанна, как будто я сокровище… это было единственное состояние, в котором мне отныне хотелось пребывать. У меня не было возраста, и с маленькой Лорой меня не связывали теперь ни время, ни школа, ни печали, ни обязанности, омрачавшие мою жизнь. Я как бы лишилась возраста, я стала сейчас тем, что было единственно нужно этим двоим. Частью их снов!

Потом целовал Рик, и он был так же нежен и ласков, но целовался он по-другому. По-другому двигались его язык и губы. Он делал неожиданные паузы, нежно покусывая мои губы, как будто дразнил.

Я знаю, мое описание чересчур затянулось, но поверь, Дневник, я же должна излить душу перед кем-нибудь, а то Донна, хотя она и была там, ничего похожего не испытала и вряд ли меня поймет. Она просто не была к этому готова. Я это не в порядке осуждения, но мне кажется, Донну до сих пор все еще заботит, как остаться хорошей девочкой… до конца. Что до меня, я тоже хорошая, насколько это возможно, и может, не хуже большинства других, но мне давно уже хочется забыть о многом… а тут как раз такой невероятный случай.

Больше в ручье ничего такого не случилось, если не считать, что я потрогала их обоих между ногами. Нежно, как трогали меня они. Я подумала, как это замечательно, что их плоть такая упругая и вместе с тем колышется в воде… Я ее не видела, но зато чувствовала. Именно этого мне и хотелось. Желать большего – но наслаждаться тем, что есть.

Пока я одевалась, Тим с Донной обменялись телефонами. Единственное, что меня волновало, так это то, что я совсем пьяная и меня начинает немного мутить. Донна, по-моему, чувствовала себя не лучше, потому что Тим сказал ребятам:

– Может, как-то сделать, чтоб их вырвало? А то придут домой, и их начнет полоскать. Донна боится, как она тогда будет объясняться с родителями.

Просто невероятно, как эти взрослые парни так деликатно к нам относятся. Они ни одной шуточки себе не позволили в наш адрес, не позволили себе ничем нас унизить. Я знала, что мы этого и не заслуживаем, но все равно приятно, что они так себя повели, особенно учитывая наше состояние. Рик сказал, у них в бардачке машины, где обычно лежат перчатки, есть жвачка. Можно, если мы хотим, потом ее взять. Все это время я старалась представить себе, как иду домой – качаюсь и ничего не соображаю. Идти и вызывать у себя рвоту нам не очень-то хотелось, но Тим сказал, что нам это поможет. Тогда мы с Донной отошли подальше, засунули пальцы в горло как можно глубже – и нас буквально вывернуло. Это было ужасно, но я почувствовала себя лучше, и Донна тоже сказала, что ей теперь стало легче идти. Вернувшись, мы решили, что пора собираться и было бы неплохо, если бы они высадили нас за квартал от дома Донны или моего. Я считала, что поездка в кузове, свежий воздух тоже принесут

нам облегчение.

Подожди секундочку, Дневник, мама хочет поцеловать меня перед сном.

Все в порядке. Вот и я. Слава богу, она тебя не видела.

Итак, ребята подвезли нас, мы выпрыгнули из кузова, и Тим галантно поцеловал руку Донны, а Рик и Джош сказали, что весьма рады были с ней познакомиться. Я подошла к кабине с той стороны, где сидел Джош, и собралась поблагодарить его… произнести первое попавшееся, что придет на ум… но он меня остановил (по спине моей пробежали мурашки). Он приложил палец к моим губам и произнес:

– Не думаю, Лора, что я когда-нибудь тебя забуду.

Он улыбнулся, а Рик сказал:

– Спасибо, что ты поверила нам.

Они отъехали, а мы с Донной чуть не расплакались.

До ее дома оставалось идти всего квартал, и, жуя последнюю жвачку, мы принялись сочинять историю, которую расскажем родителям. Она должна была звучать так:

«Мы гуляли в лесу и просто болтали. Представляли себе разные случаи, обсуждали свои сны и… свое будущее».

Донна сказала, что ей и врать-то не придется, потому что у нее с Тимом все так и было. Они, правда, пару раз поцеловались, и перед самым домом она призналась мне, что ей это очень понравилось.

Я решила, что не надо объяснять, что мы делали в лесу, если только нас не начнут расспрашивать. Мне часто приходилось видеть, как люди стремятся слишком много объяснить, и это выглядит, как будто они лгут или что-то утаивают. В нашем случае это было то же самое.

Когда мы вошли в дом, то увидели, что родители спят внизу на тахте. Мы тихонько прошли мимо и поднялись наверх в спальню Донны. Там мы почистили зубы, слегка причесались и, прежде чем спуститься в гостиную, обнялись. При этом мы не сказали ни единого слова. Просто обнялись. Скорей всего, наш порыв должен был означать: у нас есть тайна, мы по-прежнему друзья и с нами все в порядка. Мы дома, и с нами все в порядке.

Донна разбудила отца и сказала, что нам было жаль делать это, до того мирно он спал, положив голову на плечо маме. Он тут же предложил отвезти меня домой, и я сразу позвонила маме. Она не имела представления о времени, так как, по ее словам, зачиталась, а папа уже спит. Но она все равно меня дождется.

Я не чувствовала себя виноватой: ведь никто за нас не волновался, а что касается мальчиков, то они оказались такими чудесными. Невольно становится грустно, что все это уже позади. Тот вечер прошел, и я снова прежняя Лора. Тринадцати лет и единственная отрада для своего папочки. Без озлобленности, но с надеждой предвкушаю я, как стану старше, сама себе хозяйка и ни перед кем ни за что не буду отвечать.

Благослови, Господь, маму, папу, Троя и Юпитера – да покоится его душа в мире – и ребят: Джоша, Тима и Рика. Благодарю тебя, Господи, что подарил мне те несколько часов… блаженства.

Скоро продолжу, Л.

P. S.

У меня такое чувство, что всякий раз, думая о прошедшем вечере, я понемножку кое-что меняю. В моих мыслях ребята постепенно становятся чуть-чуть более грубыми. Сама же я кажусь себе все более обольстительной, заставляя их говорить, что? они испытывают, прикасаясь ко мне. Я вынуждаю их рассказывать о своих чувствах. Не знаю, почему меня так и тянет все переиначивать… Мне же нравилось, как все было на самом деле, но, прокручивая события минувшего вечера в голове, я заставляю парней быть немного циничнее. Мне это нравится. Когда они испытывают большее возбуждение, чем я.

10 ноября 1985

Дорогой Дневник!

Прошлой ночью я спала без сновидений. Я уже не думала, что это возможно. Если сны даже и были, я их не помню. Говорят, сны видит каждый и всегда, но обычно я их помню.

В общем, я стояла и расчесывала гриву Трою, как вдруг мне отчетливо вспомнился один адрес: Ривер-роуд, 1400, Ривер-роуд, 1400. Он раньше являлся мне во сне. «Надо найти это место и посмотреть, что там», – пронеслось у меня в голове. Я тут же решила позвонить маме из конюшни и сказать, что немного покатаюсь верхом и скоро вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/dzhennifer-linch/tvin-piks-taynyy-dnevnik-lory-palmer/) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

«Матильдин вальс», «Вальсируя с матильдой» («Waltzing Matilda») – песня, написанная в 1895 г. Кристиной Макферсон на стихи Банджо Патерсона и ставшая неофициальным гимном Австралии. «Матильда» здесь не женское имя, а заплечный мешок бродяги; «вальсировать с матильдой» – бродяжничать с узелком, бьющим по спине при каждом шаге.

2

Перевод К. Садчикова.

3

Т. П. – сокращение названия городка, где проживает героиня. В тексте игра слов: Т. П. означает также «туалетная бумага» (Тойлет пейпер). – Примеч. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-linch/tvin-piks-taynyy-dnevnik-lory-palmer-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить